

КАДЕЕ КРУЖКА НАРОДОВОЛЬЦЕВЪ.

685.

ПРОШЕСТЬ 21-го

20

СЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ

БИОГРАФИЧЕСКОЙ ЗАМѢТКИ

Г. А. ЛОПАТИНЪ.

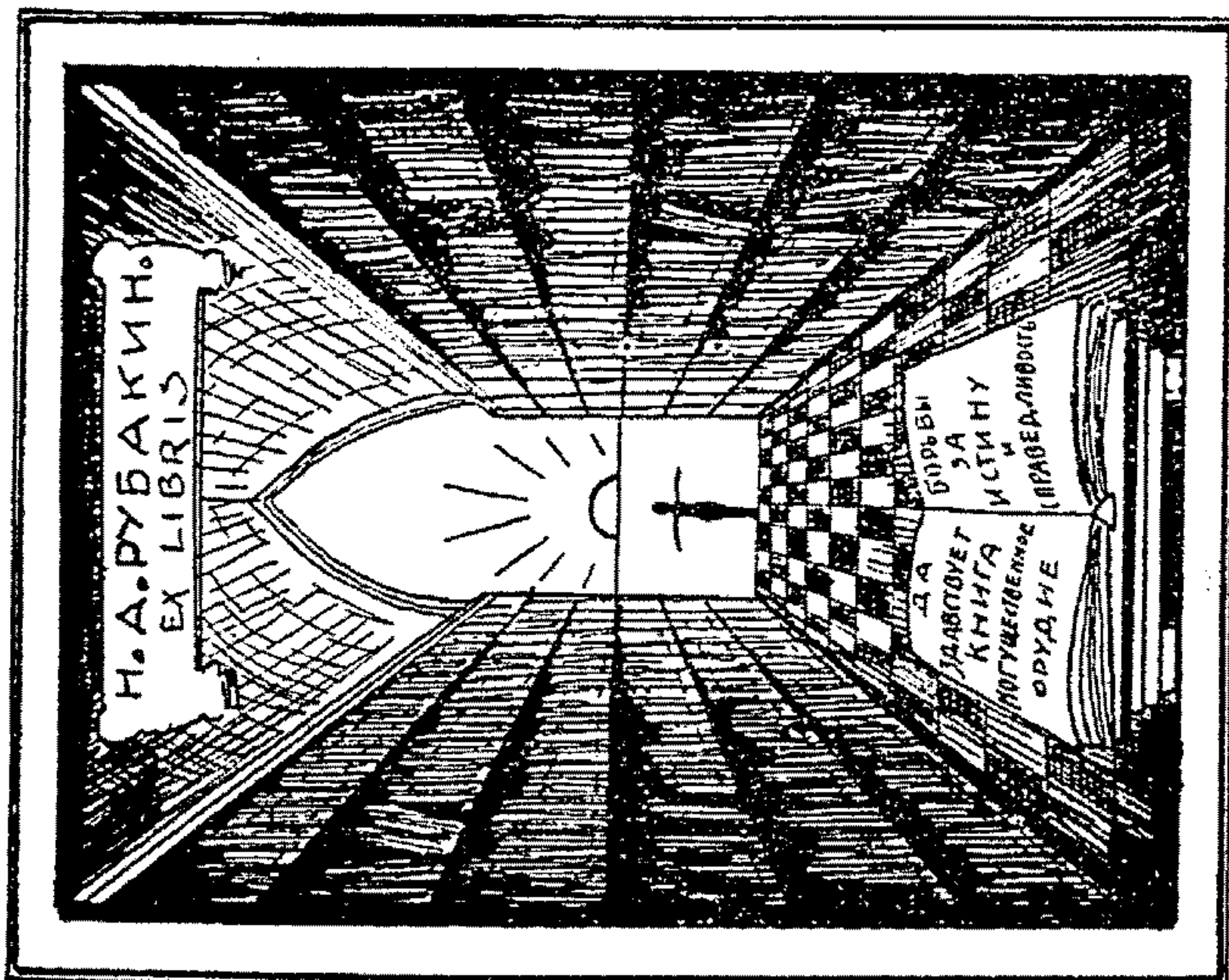
Копия изъ библиотеки Общества Дамсет, 15.

2007231531

Исправка.

1-ая строка III-ей страницы должна
на мѣсть 1-ой строки IV страницы,
~~оборать~~.

448

ЗАМѢТКА О Г. А. ЛОПАТИНѢ.

115903-48

(Письмо къ издателямъ.)

1-72

Р 14621

I.

Дорогіе товарищи.

Вы желали предпослать описанію процесса 21, который вы издаете, біографическія свѣдѣнія о Лопатинѣ и о другихъ участникахъ этого процесса. Относительно послѣднихъ въ настоящую минуту я не могу даже указать вамъ заграницей лицъ, которыя могли бы доставить какія либо точныя данныя этого рода. Иныхъ изъ этихъ дорогихъ товарищей зналъ и я, знали и многіе, живущіе заграницей; но въ нашихъ разговорахъ и сношеніяхъ очень рѣдко представлялся случай упомянуть о той или другой біографической чертѣ. Поэтому едвали не придется вамъ отказаться отъ исполненія этого желанія. Въ послѣдствіи когда нибудь пріятели и люди, случайно знакомые съ частной жизнью этихъ лицъ въ Россіи, можетъ быть, доставятъ эти нужныя свѣдѣнія. Обязанность русской соціально-революціонной партіи — сохранить возможно ясное и точное воспоминаніе о развитіи личностей, игравшихъ въ ней крупныя роли; но это все — дѣло будущаго, а въ настоящую минуту повторяю, мнѣ неизвѣстны заграницей лица, отъ которыхъ можно было бы узнать что-либо болѣе характеристическое въ этомъ отношеніи.

Германъ Александровичъ Лопатинъ былъ моимъ близкимъ другомъ съ начала 1870 года, когда я познакомился съ нимъ. Его жизнь была полна со-

бытій и приключеній, которыя вызывали интересъ въ людяхъ, его вовсе не знавшихъ. Среди знавшихъ его въ Петербургѣ, въ Ставрополѣ, въ Иркутскѣ, въ Вологдѣ, въ Ташкентѣ, въ Парижѣ, въ Лондонѣ, въ Швейцаріи, онъ имѣлъ всюду друзей и пріятелей. Онъ велъ обширную переписку. Его рассказы, полные блеска и юмора, чаровали слушателей. Поэтому матеріалъ для его біографіи могъ бы быть очень богатъ и разнообразенъ. Но именно разнообразіе мѣстъ и личностей, среди которыхъ имѣли мѣсто разные эпизоды его жизни, здѣсь представляетъ затрудненіе. Множество лицъ могли бы доставить о немъ въ высшей степени интересныя свѣдѣнія, но каждый могъ бы точно и подробно сообщить лишь немногіе ея эпизоды. Лишь самъ Лопатинъ былъ бы способенъ сгруппировать и распредѣлить всѣ эти эпизоды въ надлежащей перспективѣ и гармоніи. Его и уговаривали не разъ сдѣлать это. Уговаривалъ его и Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ, угадывавшій въ немъ блестящій литературный талантъ. Уговаривали его и друзья. Ему было все некогда. Его отвлекали всегда отъ усидчивой литературной работы, безъ возможности напечатать ее немедленно, или работа для куска хлѣба, переводы, сдѣланные по вѣрному заказу, или хлопоты по сотнѣ дѣлъ, изъ которыхъ одни касались его пріятелей, обращающихся къ нему за совѣтомъ или за содѣйствіемъ, другія — болѣе серьезныхъ общественныхъ вопросовъ. Между тѣмъ друзья все надѣялись, что онъ займется своей автобіографіей, и чувствуя, что никто не въ состояніи сдѣлать это такъ хорошо, какъ сдѣлалъ бы онъ самъ, не запи-

вались въ памяти изъ его случайныхъ разсказовъ, не ставили ему ряда систематическихъ вопросовъ для пополненія пробѣловъ, для приведенія въ хронологическій порядокъ частныхъ данныхъ, для установки фактической связи между различными отраслями его дѣятельности. Время шло. Частности выслушиваемыхъ разсказовъ стушевывались въ памяти. И вотъ наступила катастрофа. И друзья его, желая восстановить его біографію въ ея цѣлости, очутились передъ смутными данными громаднаго и разнообразнаго цѣлаго, которое осилить крайне трудно.

Такъ какъ я былъ въ послѣдніе годы однимъ изъ близкихъ друзей Германа Александровича, то и на мнѣ лежитъ не малая вина въ томъ, что я не постарался своевременно записать слышанное и пополнить пробѣлы. Но мнѣ казалось невозможнымъ, чтобы онъ самъ не нашелъ для себя интереснымъ позаняться этимъ трудомъ. Къ тому же каждый разъ, когда мы встрѣчались или жили въ одномъ городѣ послѣ его бѣгства изъ Сибири, намъ приходилось постоянно говорить о столькихъ вопросахъ живаго, насущнаго дѣла, приходилось переписываться о столькихъ дѣлахъ, стоявшихъ на очереди, и о текущихъ событіяхъ, живо интересовавшихъ насъ обоихъ, что его разсказы именно мнѣ о разныхъ эпизодахъ его жизни оставались всегда отрывочны и недостаточно подробны, а переписка наша, какъ я могъ снова убѣдиться, перебирая листы, исписанные его мелкимъ и красивымъ почеркомъ, гораздо важнѣе для частныхъ дѣлъ, интересовавшихъ насъ въ эти годы, чѣмъ для харак-

сывали отрывочныхъ эпизодовъ, которые удержи-
теристики его личности и его общихъ взглядовъ.
Этою перепискою можно бы воспользоваться лишь
какъ однимъ элементомъ для очень подробной біо-
графіи, гдѣ шло бы дѣло о востановленіи личнос-
сти во всѣхъ ея общественныхъ и частныхъ отно-
шеніяхъ въ потокѣ мелкихъ и крупныхъ событій
времени, а не въ небольшой замѣткѣ о Лопатинѣ
для новаго поколѣнія русскихъ революціонеровъ,
замѣткѣ, которую я пишу въ настоящую минуту.

Послѣ того, какъ онъ былъ взятъ въ послѣдній
разъ, я сдѣлалъ попытку собрать матеріалъ для по-
добной біографіи. Черезъ посредниковъ я пытался
обратиться къ друзьямъ его молодости, которые
могли бы доставить мнѣ свѣдѣнія о тѣхъ годахъ
его, о которыхъ онъ всего менѣе рассказывалъ. Я
зналъ, что съ однимъ изъ своихъ близкихъ пріятелей,
человѣкомъ чисто-теоретическихъ занятій и чуж-
дымъ всякихъ революціонныхъ порывовъ, онъ велъ
длинную и весьма интересную переписку о теоріяхъ
Герберта Спенсера и Карла Маркса; я старался дос-
тать эту переписку на время. Я обратился черезъ
другихъ посредниковъ къ личности, близко знавшей
его въ Иркутскѣ и способной сообщить мнѣ въ
этомъ случаѣ подробности о томъ, какъ онъ скры-
вался и какъ бѣжалъ, подробности, которыя онъ
рассказывалъ лишь въ самыхъ общихъ чертахъ да-
же близкимъ людямъ, не желая назвать лицъ, посо-
бившихъ ему въ этомъ дѣлѣ. Обращался я и ко
многимъ другимъ, имѣвшимъ возможность знать луч-
ше тотъ или другой эпизодъ его жизни, тѣ или
другія болѣе важныя его отношенія. Но мои по-

пытки были, большей частью, очень неудачны. Лишь одно лицо — правда, близко знавшее его и имѣвшее болѣе другихъ возможность выслушивать отъ Г. А. рассказы о различныхъ эпизодахъ его жизни — доставило мнѣ сжатый очеркъ главныхъ событій его жизни, но очеркъ весьма недостаточный. Друзья его молодости отказались доставить данныя, ссылаясь на то, что составленіе его біографіи теперь несвоевременно и могло бы лишь повредить ему. Я позволяю себѣ надѣяться, что главною причиною было не желаніе входить въ сношенія со мною, такъ какъ само собою разумѣется, что теперь имѣлось въ виду лишь собраніе полного и точнаго матеріала, а не немедленное напечатаніе того, что могло бы компрометировать кого бы то ни было. Позволяю себѣ надѣяться и на то, что они всетаки запишутъ то, что имъ было извѣстно о Г. А., для того, что бы кто либо другой могъ утилизировать это хотя бы въ будущемъ. Отъ его пріятеля — теоретическаго корреспондента принесли ко мнѣ извѣстія, что переписка о теоріяхъ Спенсера и Маркса „сожжена“ въ одну изъ эпохъ русской политической паники. Позволяю себѣ и тутъ надѣяться, что подобное безобразіе совершенно не было, а что просто корреспондентъ Лопатина не желалъ довѣрить этой переписки мнѣ: пусть хранитъ ее на будущее, не опасаясь послѣдствій, такъ какъ, если бы о знакомствѣ его съ Лопатинымъ узнали — что вещь весьма возможная — то, напротивъ, предъявленіе чисто-теоретической переписки докажетъ всего яснѣе, съ нимъ Г. А. не могъ толковать о революціонныхъ вопросахъ. Посредники

между мною и лицомъ, близкимъ Герману Александровичу въ Иркутскѣ, доставили мнѣ сначала очень неудовлетворительный отвѣтъ, а затѣмъ самое это лицо умерло и этотъ источникъ уже пропалъ на вѣки. Изъ общавшихъ матеріалъ для его біографіи одни мнѣ до сихъ поръ ничего не прислали, другіе доставили переписку, интересную лишь для освѣщенія нѣкоторыхъ частныхъ эпизодовъ. Такимъ образомъ, въ настоящее время не существуетъ матеріала для сколько нибудь полной біографіи Лопатина, при всей ея занимательности, при множествѣ людей его знавшихъ, имъ интересовавшихся, слушавшихъ его рассказы, переписывавшихся съ нимъ по самымъ разнообразнымъ предметамъ. Мои личные воспоминанія отрывочны и во многихъ частностяхъ смутны. Его письма ко мнѣ имѣютъ преимущественно интересъ или вполне частный, или касаются общихъ дѣлъ, но такихъ, о которыхъ долго еще не настанетъ время говорить вполне откровенно. Біографію Лопатина теперь написать еще нельзя.

Повторяю, что эту біографію могъ бы надлежащимъ образомъ написать лишь онъ самъ. Будетъ ли онъ когда либо въ состояніи это сдѣлать? „Пока есть жизнь есть и надежда“ говорятъ медики. Я не хочу отчаяваться и въ моей родинѣ. Я считаю возможнымъ, даже вѣроятнымъ, что тѣмъ или другимъ путемъ она свалитъ позорящее ее иго петербургскаго императорства еще въ достаточно-близкій срокъ, что бы могъ выйти на свободу и написать записки о своей жизни одинъ изъ талантливейшихъ русскихъ людей. Но не могу скрыть отъ

себя, что вѣроятность не особенно велика. Въ такомъ случаѣ является вопросъ; можетъ ли когда либо быть написана біографія Германа Александровича?

Когда придетъ эпоха, что самодержавіе перестанетъ деморализировать русское общество, внушая большинству рабскій страхъ и унижая характеры; когда можно будетъ гордиться сношеніями съ Лопатинымъ и тѣмъ, что помогалъ ему въ одномъ изъ его бѣгствъ, переписывался съ нимъ о теоретическихкихъ вопросахъ или даже о революціонномъ дѣлѣ; когда нечего будетъ его біографу опасаться, что, упоминая какое нибудь лицо въ связи съ его именемъ, рискуешь навлечь на это лицо допросы, обыскъ, а то и кое что похуже—если въ то время будутъ еще живы пріятели его молодости и люди, близкіе ему въ разныя эпохи его жизни, если ихъ память будетъ свѣжа, или окажется, что они имѣли храбрость сохранить гдѣ нибудь въ завѣтномъ углу переписку съ „государственнымъ преступникомъ“, иногда дрожа при одной мысли о ея существованіи,—тогда, можетъ быть, найдется человекъ, который будетъ достаточно счастливъ, что будетъ имѣть въ рукахъ матеріаль для біографіи, имѣющей интересъ рыцарскаго романа съ приключеніями, при чемъ онъ будетъ имѣть дѣло съ личностью, которой предлагали кафедру при самомъ оставленіи скамьи университета, съ писателемъ, блестящія страницы писемъ котораго восхищали Тургенева, съ мыслителемъ, котораго уважалъ, какъ немногихъ, Карлъ Марксъ, очень неподатливый на уваженіе, съ дѣятелемъ, который не останавливалъ

ся ни передъ какими трудностями положенія дѣлъ и, въ то же время, съ собесѣдникомъ, который прельщалъ всѣхъ и cadaго, быть душою всякаго общества, привлекалъ къ себѣ и самодура генералъ губернатора Восточной Сибири, и ученыхъ изслѣдователей, и молодыхъ дѣвушекъ, и осторожныхъ каторжниковъ, и фанатиковъ-революціонеровъ. При достаточномъ матеріалѣ и при умѣннѣ писателя понять личность и выпукло выставить ее въ ея характеристическихъ особенностяхъ и во всемъ разнообразіи ея силъ, это будетъ произведеніе, которымъ будутъ зачитываться и которое одно можетъ доставить литературную славу его автору.

Но теперь, повторяю, для него нѣтъ матеріаловъ и если бы даже они были, обнародовать эту біографію было бы невозможно, не по какимъ либо ужаснымъ политическимъ секретамъ, въ ней заключающимся, а по множеству лицъ, которыхъ пришлось бы упомянуть и „компрометировать“ однимъ этимъ упоминаніемъ.

Поэтому я пишу не болѣе какъ „замѣтку“ о моемъ другѣ для современнаго поколѣнія русской соціально-революціонной молодежи, изъ которой большинство или вовсе не знало его, или знало, но очень мало. Данныя, которыми я располагаю, крайне отрывочны и неполны.

II.

Германъ Александровичъ Лопатинъ родился въ дворянской семьѣ въ Нижнемъ Новгородѣ 13 Января 1845 года. Насколько мнѣ извѣстно, его отецъ и до сихъ поръ живъ. Его мать умерла тому года

два. Съ нею онъ переписывался все время до своего послѣдняго ареста, и не разъ, отправляясь въ Россію на свои рискованныя поѣздки, онъ поручалъ мнѣ переслать ей, какъ будто изъ Парижа, заранѣе составленное письмо, и доставить ему въ Россію тѣмъ путемъ, которымъ мы поддерживали наши сношенія, ея письма изъ Ставрополя, ему присылаемые на мой адресъ. Эта переписка матери съ сыномъ не была секретомъ.

Пяти лѣтъ Г. А. былъ перевезенъ въ Ставрополь, гдѣ учился въ гимназій, получилъ золотую медаль и въ 1862 г. поступилъ въ Петербургскій университетъ на естественное отдѣленіе математическаго факультета. Уже въ университетѣ, при тѣхъ „исторіяхъ“, которыя неизбѣжно повторяются въ каждомъ университетскомъ поколѣніи, онъ являлся естественнымъ руководителемъ и представителемъ товарищей въ трудныхъ случаяхъ, а его живой и веселый характеръ создалъ ему множество дружескихъ и пріятельскихъ связей. Въ 1866 г. онъ кончилъ курсъ со степенью кандидата, написавъ диссертацию о самопроизвольномъ зарожденіи, вопросъ въ то время еще мало разработанный. Предметъ былъ разобранъ такъ полно и защита диссертации была такая блестящая, что, не смотря на теоретическое разногласіе молодаго защитника самопроизвольнаго зарожденія со всѣми его оппонентами, ему предложено было остаться при университетѣ. Но роль кабинетнаго ученаго не была пріятна для его живой натуры. Онъ отказался.

Въ это самое время онъ имѣлъ уже случай дебютировать и въ качествѣ „прикосновеннаго къ по-

литическому дѣлу“. Онъ былъ знакомъ съ большинствомъ Каракозовцевъ. Его веселый характеръ и вѣчныя шутки имѣли слѣдствіемъ, что руководители заговора считали его слишкомъ „легкомысленнымъ“ для вовлеченія его въ самое „дѣло“, но близкія личныя сношенія со многими участниками, довѣріе, которое онъ всегда умѣлъ внушить пріятелямъ, и его собственная проницательность, позволяли ему угадывать по полуслову то, что ему не хотѣли высказывать ясно. Онъ не былъ собственно участникомъ заговора, но зналъ его террористическую цѣль и планъ государственнаго переворота въ случаѣ удачи задуманнаго дѣла. Но, какъ извѣстно, личность Каракозова, неспособнаго выждать подготовленія необходимой обстановки для катастрофы, разрушила расчеты заговорщиковъ. Выстрѣлъ 4 Апрѣля 1866 г. былъ сюрпризомъ для руководителей дѣла. Начались повальные аресты эпохи диктатуры въ Петербургѣ Муравьева-вѣшателя. Забирали всѣхъ и cadaго, кто находился въ какихъ бы то ни было сношеніяхъ съ Каракозовымъ или съ его знакомыми. Была минута, когда изъ всего кружка людей, лично связанныхъ съ заговорщиками, на свободѣ оставался только „легкомысленный“ Лопатинъ. О немъ вспомнили арестанты и на него возложили порученія, не лишеныя затрудненій въ эту эпоху первой политической паники, охватившей наивныхъ и трусливыхъ русскихъ либераловъ, когда въ театрахъ дѣлали недѣльные оваціи Коммисарову, актеровъ, представлявшихъ поляковъ въ оперѣ „Жизнь за царя“, заставляли, снявъ каски, пѣть офиціальный гимнъ, когда подписывались безтолковые адреса,

доносы сыпались какъ градъ, братъ отрѣкался отъ брата, а кто хранилъ въ шкатулкѣ экземпляры „Молодой Россіи“, „Великоросса“ или копіи обширной рукописной литературы 50-хъ годовъ, торопился дрожащими отъ страха руками сжечь все это. Лопатину приходилось извѣщать оставшихся на свободѣ о томъ, кто взятъ и что о нихъ извѣстно. Ему надо было уничтожить бумаги, компрометирующія арестованныхъ и находившіяся въ разныхъ мѣстахъ. Здѣсь онъ впервые выказалъ ту находчивость, изобрѣтательность, смѣлость и энергію, какъ въ серьезныхъ вещахъ, такъ и въ самыхъ съ виду ничтожныхъ, но въ сущности очень важныхъ, мелочахъ, которыя выдвинули его сразу изъ ряда дюжинныхъ участниковъ конспирацій, сдѣлали его неопѣненнымъ сотрудникомъ въ политическомъ дѣлѣ и разъ на всегда разсѣяли легенду о его „легкомысліи“. Здѣсь начался и рядъ тѣхъ несчетныхъ приключеній, которыя съ этого времени составляли какъ бы естественные эпизоды его жизни. Такъ мнѣ рассказывали, что ему нужно было извѣстить одну даму о томъ, что захвачены компрометирующія ее письма. Придя на квартиру, онъ узналъ отъ кухарки, что жандармы производятъ тамъ обыскъ. Онъ считалъ полезнымъ узнать, что они дѣлаютъ, подкрался къ двери и сталъ прислушиваться. Но дверь внезапно отворили. Онъ выскочилъ изъ окна и скрылся.

Конечно при повальныхъ арестахъ того времени, трудно было, чтобы не забрали и Лопатина. Но здѣсь помогла ему та сторона его характера, которая побуждала сначала заговорщиковъ не впол-

нѣ довѣрять ему. Допрашивающіе остались увѣренными, что предъ ними одинъ изъ тѣхъ молодыхъ людей, для которыхъ внѣ шутокъ, забавъ, женщинъ и „прожиганія жизни“ не существуетъ ничего въ мірѣ. Никифераки, какъ говорятъ, прямо высказалъ, что такого милаго юношу ничто не собьетъ съ надлежащей жизненной дороги. Лопатина скоро выпустили. Такъ какъ онъ былъ чуть ли не единственнымъ лицомъ, которому теперь могли довѣрить дѣло, то, при погромѣ, раздробившемъ всѣ главные элементы организаціи, онъ, двадцатидвухлѣтній мальчикъ, одно время оставался административнымъ центромъ немногихъ остатковъ заговора и, такъ сказать, ликвидировалъ его дѣло.

Относительно событій жизни Германа Александровича между началомъ 1867 и концемъ 1869 года мнѣ невозможно установить въ настоящую минуту точнаго хронологическаго порядка, но въ это время, именно въ 1867 г., онъ въ первый разъ уѣхалъ за границу (на сколько мнѣ извѣстно — тайно), гдѣ пробылъ не долго, былъ арестованъ по поводу основанія „рублеваго общества“ и служилъ нѣкое время чиновникомъ особыхъ порученій у Ставропольскаго губернатора. Въ это же время онъ ознакомился съ теоріями Спенсера и Маркса.

За границу онъ уѣхалъ съ цѣлью участвовать въ новомъ предпріятіи Гарибальди противъ Рима, но событія пошли быстрее, чѣмъ онъ ожидалъ. Онъ не успѣлъ доѣхать до мѣста, когда битва при Ментонѣ (3 Ноября 1867) и плѣнъ Гарибальди положили конецъ этой эпопеѣ. Въ эту поѣздку онъ познакомился съ Александромъ Ивановичемъ Герце-

номъ, но ничего другого я изъ нея не припомню, кромѣ одной изъ мелкихъ частныхъ, которая характеризуетъ эту натуру, всегда живую и неспособную ни на минуту смолчать передъ вопросомъ, его занимающимъ. Усталый и голодный онъ вошелъ вечеромъ въ итальянскій трактиръ, чуть ли не около Ниццы. Денегъ у него было мало. Костюмъ его былъ не привлекателенъ. Хозяйка трактира рѣшительно отказалась дозволить ему переночевать, но позволила присѣсть отдохнуть и съѣсть кусокъ весьма незатѣйливой пищи. Между тѣмъ за столами шелъ разговоръ съ итальянской живостью. Толковали, конечно, о Гарибальди. Онъ былъ побѣжденъ и потому на него сыпались обвиненія сторонниковъ офиціальнаго правительства. Защитники его были мрачны и говорили плохо и мало. Лопатинъ не выдержалъ. На ломанномъ итальянскомъ нарѣчій, къ которому онъ примѣшивалъ приходившія скорѣе на память французскія и латинскія слова, онъ началъ пламенную и убѣдительную рѣчь въ защиту послѣдняго рыцаря XIX-го вѣка, не стѣсняясь ничѣмъ. Рѣчь была очень неполитична въ данныхъ условіяхъ, но противники итальянскаго героя замолчали. Молчали и патріоты Италіи, но глаза ихъ блестѣли. Когда публика стала расходиться и Лопатинъ сталъ также собираться въ путь, хозяйка-итальянка подошла къ нему и сказала: „уже поздно, иностранецъ, можете остаться переночевать: этс насъ не стѣснить.“

„Рублевое общество“ имѣло, на сколько мнѣ сообщали, очень скромную цѣль: распространеніе грамотности въ деревняхъ, но это было „общест-